

Родовое имя Скавронских

Попытки сделать Россию морской державой, способной вести прямую торговлю с европейскими государствами предпринимались неоднократно, оставаясь одной из главных внешнеполитических задач, начиная со времени княжения Ивана III. Иван Грозный, Борис Годунов и Алексей Михайлович обращали свои взоры к Балтике. Однако для достижения этой цели недостаточно было иметь выход к морю, нужно было из сухопутной страны, не имеющей морских портов и современного флота, утратившей морские традиции, в короткие сроки создать морскую державу. Для этого России необходим был гений Петра.

В 1700 году началась Северная война. После неудачи под Нарвой, в 1702 году была поставлена цель овладеть линией реки Невы с тем, чтобы расколоть шведские владения и выйти к морю. Военные действия в Ижорской земле начались с того, что командовавший русскими войсками П. М. Апраксин организовал рейд конного корпуса по тылам противника, в результате которого «многие мызы великие и селения развоевали и разорили без остатку». Затем 10 августа русские войска начали наступление. В первом же бою у реки Тосны неприятельская крепость была взята.

Преследуя шведов, возглавляемых генералом А.

Кронхортом, русские войска форсировали Тосну и «гнали до самой реки Ижоры от реки Тосны в 15-ти верстах и побили много и барабаны, и ружья и лошади их неприятельские седланные многие поймали, и пушечные станы и колёса взяли же, а пушки бежав они неприятельские люди бросили в Ижору реку, и того ж числа славную их неприятельскую мызу Ижорскую взяли и иные многие мызы побрали и разорили». Русские преследовали шведов до Славянки, после чего, Апраксин возвратился обратно на берега реки Назы, на которой вскоре «долженствовали собраться войска, назначенные для взятия Нотебурга».

О судьбе находившегося в 9 километрах от Ижорской мызы Карлберга ничего не известно, но можно предположить, что он тоже не избежал огня. Само это название исчезает из употребления: мызу начинают именовать Славянской. В описании нашей местности того времени можно прочесть: «мыза Славянская по обе стороны Новгородской

дороги, пуста; к ней приписаны 18 деревень и 2 пустоши, дворов крестьянских финских 40 и один русский; пашни, перелогов, сенокосов, лесов и болот 4 195 десятин».

30 мая 1708 года Петр I приказал приписать 6 мыз — Сарскую (позже село Царское), Пуркаловскую (позже мыза Пулковская), Антельскую, Кононовскую, Мозинскую и Славянскую — к «дому» своей супруги Екатерины Алексеевны. Царскую резиденцию село Царское решено было «огородить природными россиянами», потому что якобы «на туземцев — ижорян и финнов никак не можно было полагаться». Десятки деревень, населенных местными жителями были «сведены», им отводились для поселения леса и кустарники. На отнятых у местных жителей землях в течение первой четверти XVIII века появились новые русские селения. Так возникли село Царское с деревнями, слободы Кузьмина, Пулковская, Новославянская, деревня Попова и другие.

Наш край стал быстро обрусевать, но переселение русских крестьян в Ингерманландию происходило чуть ли не под конвоем. Тех же, кто противился этому процессу или пытался жаловаться на высочайшее имя, наказывали. Так, были наказаны крестьяне суздальской дворцовой Юмахонской волости Степан Андреев, Семён Леонтьев и другие за то, что осмелились подать челобитную, обвиняя местную дворцовую администрацию в злоупотреблениях — назначении к переселению бедняков, в то время как по инструкции Главной дворцовой канцелярии требовалось переселять состоятельных. В результате челобитчикам «за такую их предерзость учинено наказание — биты вместо

кнута плетью» и велено было вернуть их на место переселения — в мызу Славянскую.

Трудно приживались на новом месте переселенцы. В ноябре 1716 года переведённые крестьяне Коломенского и Московского уездов, проживавшие в слободе Славянской, просили оказать им хлебную помощь, ибо без неё они «не выживут зиму». Дворцовая администрация вынуждена была выдать «для пропитания» 110 кулей и 106 четвертей разного хлеба. В это же время в районе сел Царского, Пулково, а также мыз Славянской, Кононовской и других были заведены обширные сады и огороды. Первые

сведения о продаже овощей и фруктов из указанных сел относятся к 1714 году. По описи 1715 года в селениях Славянском и расположенных рядом были уже скотные и птичьи дворы.

В апреле-мае 1715 года в Славянской мызе для приездов царицы Екатерины Алексеевны и проживания приказчика строят большие деревянные «хоромы», которые в 1719 году «переставляют по рисунку» — очевидно, переносят на новое место. В 1726 году, став императрицей, Екатерина I решила придать некоторый блеск фамилии Скавронских, к которой сама принадлежала. По высочайшему указу брат её Карл Самуилович Скавронский получает графский титул и в подарок Славянскую, Кононовскую и Мозинскую мызы.

После его смерти имение перешло к сыну, графу Мартыну Карловичу, который будучи бесцветен, как государственный деятель, оставил по себе хорошую память, как добрый человек. Чуждый интриг, мягкий и покладистый, он проявил трогательную заботу о семье и, что особенно характерно, о своих многочисленных крестьянах: «что касается до людей и крестьян, писал Мартын Карлович, — главное моё было попечение содержать их

добропорядочно и не отягощать непомерною службою и поборами. В заключении сего, что она духовная учинена по воле моей, подписуто своеручно в Славянке июне 25-го дня 1776 года».

В 1748 году в Славянской мызе построена каменная православная церковь и, вероятно, возведён каменный господский дом. Как свидетельствует план 1778 года, эти постройки стали главными элементами дворцово-паркового ансамбля, пришедшего на смену шведской усадьбе. При этом лютеранская церковь была перенесена на километр севернее, на правый берег реки Поповки, куда с левого берега этой реки переместился и пасторат.

Обстоятельства возведения православной церкви из-за неполноты имеющихся данных довольно загадочны. Известно, что ещё в 1743 году планировалось возвести в имении деревянную церковь, но затем это намерение изменилось и решено было строить каменную. При этом придел во имя Захария и Елизаветы почему-то спроектировали на втором этаже, а не на одном уровне с основным помещением (как это обычно делается), для чего пришлось получить специальное разрешение. Не объясняется ли это тем, что под церковь перестраивался старый шведский дом?

Рискнём предположить следующее. Возведённый в первой половине XVII века каменный дом был, безусловно, сожжён во время русско-шведской войны 1656-1658 годов (мызы и лютеранские приходские центры повсеместно уничтожались русскими войсками). Впоследствии восстановленный и зафиксированный на шведском чертеже, он, по-видимому, был сожжён вторично П. М. Апраксиным в 1702 году (что вызвало необходимость постройки деревянных «хором» для Екатерины I). Руины этого здания и были перестроены под православную церковь.

Но, пожалуй, самый блестящий период существования усадьбы, который доставил ей почти легендарную славу, начинается в 1820-х годах, когда имение переходит к последней владелице из рода Скавронских Юлии Павловне фон дер Пален. В России о ней худо шелестела молва... Вкрадчиво, бархатно, с испуганными паузами, с оглядкой на несметные богатства и древнюю фамилию, несомненную близость к царственному роду Романовых, но все равно - худо! Светские дамы, горделиво и заносчиво, с презрительною усмешкою дергали оголенными, обсыпанными пудрой плечиками при звуках ее имени, будто говорили: «А чем мы - хуже?!»

"На развалинах Графской Славянки "

Старушки же шипели змеино, по углам: «Бог знает, какова и по вере то, не разберешь, понамешано кровей – в пору рядиться ей хоть и немкою и итальянкою! А русскою и то - вряд ли будет под стать – судачили светские «мумии», потряхивая чепцами, – живет, словно бусурманка какая: при живом муже - с другим мужчиною! Хотя, что с «амаранта»* (любовника - франц. автор) взять, коли тот – художник -, знай, себе кистями мажет по холстине, даром, что в Италиях всяких учился, одно слово – пустозвон – повеса, о его кутежах слава по всему Петербургу,

ПОРТРЕТ ГРАФИНИ Ю. П. САМОЙЛОВОЙ

да он, предезкий, лишь рукою машет, ему – море по колено, знаменит, и Государем обласкан за мазню свою!»

Усердно, без усталости светские мельницы, упражняли язык, сверкая гневно очами, да только все – попусту! Не замечала горделивая графиня Жюли – Юлия Павловна Самойлова, урожденная фон дер Пален, ни сплетен, ни намеков, ни холодных кивков, ни презрительных взглядов, брошенных вслед ей – первой в России светской даме, к которой так и прилипло – пристало это новомодное понятие: «львица», пришедшее из Старой Европы в холодную Северную Пальмиру.

Вот что писал о нем – словесном образе и емком, вошедшем прочно в обиход в позапрошлом веке, понятии, К. Д. Крюгер, автор книги «Замечательные женщины XIX столетия»: «В 30-е годы XIX столетия в обществе, под влиянием идей романтизма, возник новый тип великосветской женщины, свободной, дерзкой, блестящей. Таких дам называли «львицами». Они зачитывались романами Жорж Санд, курили, пренебрегали условностями и нередко имели очень бурную личную жизнь». Графиня Юлия Павловна полностью соответствовала этой характеристике: независимая, образованная редкостью для женщины того времени, прекрасно разбирающаяся в искусстве, музыке, литературе, она прислушивалась лишь к голосу своего сердца и делала только то, что оно, беспокойное, подсказывало ей!

Могут возразить, что основой независимости дерзкой графини Пален - Самойловой было ее несметное состояние, доставшееся ей от прадедов и дедов - и материнская и отцовская ветви рода графини фон дер Пален принадлежали к самым знатным родам российским и итальянским: Паленов и Скавронских, Литта и Висконти (граф Джулио (Юлий) Литта – второй муж бабушки Ю. П. Самойловой по матери). Скавронские восходили в генеалогическом древе к самой Екатерине Первой - Марте Скавронской, жене Петра Великого, что обеспечивало блистательной Юлии близость к императорской фамилии, и очень завидное положение при русском дворе, а графы Литта – Висконти Арези вели свое начало от миланского графского рода Висконти, связанного близкими узами родства с герцогским семейством Франческо Сфорца, столь знаменитым в истории и Милана, и Италии!* (* Семейство Сфорца покровительствовало развитию изящных искусств в миланском герцогстве. При дворе Франческо Сфорца одно время плодотворно работал великий Леонардо да Винчи – автор.)

Поговаривали, что Юлий Помпеевич (** Так звали Джулио в России – автор), граф Литта, обер – камергер и обер - церемонеймейстер Двора Его Величества Императора Николая Первого, завещал чернокудрой Юлии все свое несметное состояние потому, что на самом деле она была не внучкой его, а - дочерью! Именно этой тихой, светской сплетней можно было объяснить, пожалуй, и то, что мать Юлии, в замужестве – графиня Пален - оставила ее, когда девочке было лишь пять с небольшим лет, и уехала в

Париж: обучаться музыке и пению.

Девочка росла своевольною и непокорною, но к тем, кого любила, всегда ласкалась нежным ангелом. Доброта ее была истинно природною, не от ума, а от сердца. Няни и гувернантки обожали ее: всегда живую, веселую, похожую на грациозного котенка! Бродя по дворцу любящего ее безумно деда, и трогая хрупкими пальчиками бесценные вещи, которыми были наполнены залы с высокими двустворчатыми окнами и холодно – мраморными полами – картины, бронза, фарфор, античные статуи и бюсты, маленькая Жюли рано начала понимать, что такое истинное искусство, а книги из огромнейшей библиотеки: Ариосто, Данте, Гельвеций, Дидро, Жермена де Сталь, Шатобриан, Монтень, столь же рано сформировали, четко «вылепили» ее независимый,

свободолюбивый характер.

Она привыкла обо всем иметь свое собственное мнение. Не стеснялась его свободно выражать. С юных лет лелеяла и свой, неповторимый, безошибочный, отточенный от предков, неподдающийся ничьим влияниям, вкус. Не стремилась следовать за модой – сама становилась ею, и очень часто появлялась при Дворе в горностаевой мантии и бриллиантовых украшениях, как бы бросая таким нарядом вызов самой Государыне Императрице! Царственной осанкой, необычным тоном кожи оливкового цвета, мелодично – звонким, «детским», как говорили голосом, свободною манерой разговора – непринужденной и увлекательной, она покоряла многие мужские сердца! И сама увлекалась беспрестанно!

В возрасте 25 лет, фрейлина Ея Величества, графиня Юлия фон Пален - Литта, 25 января 1825 года, вышла замуж за богатого и весьма незаурядного человека – полковника, графа Николая Александровича Самойлова, флигель – адъютанта Императора, одно время привлекавшегося к следствию по делу декабристов, но «по Высочайшему повелению - оставленного без внимания». Жениха и невесту благословляли к венцу император Александр I и императрица Мария Фёдоровна, устроившая для молодых в Павловске в «Розовом павильоне» блестящий бал.

Н. А. Самойлов, в прошлом флигель-адъютант командующего отдельного кавказского корпуса генерала А. П. Ермолова, был довольно образованным и прогрессивным для своего времени человеком, почитал искусство, был знаком с А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским. Но молодой граф... имел «странное несчастье» совсем недолго нравиться своей красавице - жене! Впрочем, графиня была всего лишь избранницей капризной матери Самойлова, а не его собственным сердечным выбором. Он любил другую. Не в этом ли и крылась причина столь быстрого разрыва меж ними?

Может быть, развод состоялся еще и потому, что был граф Николай Александрович, «красавец Алквивиад», как звали его друзья, лейб – гвардейцы Измайловского полка, заядлым бретером -

дуэлянтом, пил слишком много вина, и ночами проигрывал, отчаянно винтя, большую часть своего и супруги огромного состояния? Зеленое сукно игорных столов несомненно привлекало его более, чем лицо Юлии Павловны, которую многие дерзко, но совсем не льстиво, сравнивали с Мадонной!

Уже в 1827 году чета рассталась, по взаимному соглашению, граф вернул приданное супруги (то, что осталось!) ее родным, отвез ее к отцу, графу Палену, и сохранил с ней вполне дружеские отношения – она часто приезжала к нему, была у него на именинном обеде. Они то и дело вводили в заблуждение чопорный высший свет своими весьма необычными отношениями. Молва то ссорила, то мирила их, так и не догадавшись об истинной причине разрыва блистательной пары, и получая истинное наслаждение от сплетен в их адрес. Граф вскоре после развода отправился в действующую армию генерала И. Паскевича и поражал сослуживцев «холодной храбростью и бесшабашностью»; графиня же, просто – напросто, с улыбкою презирала шлейф слухов и сплетен, неизменно тянувшейся за нею вослед из дверей любой светской гостиной!

Расставшись с мужем, графиня Самойлова одно время жила в своём имении Графской Славянке, где собирался цвет столичного общества. Император Николай Павлович был недоволен постоянными собраниями в Славянке, и это дали понять графине. Юлия Павловна, говорят, ответила: «Ездили не в Славянку, а к графине Самойловой, где бы она не была, будут продолжать к ней ездить». Так оно и случилось. Вскоре блестящее светское общество, вся знать и артистический мир – богема «Северной Пальмиры» - собиралась уже у другого крыльца: шумная толпа заполняла собою залы одного из великолепных дворцов на Елагином Острове, воздвигнутого все тем же Александром Брюлловым, не жалевшим сил и времени для постройки удобного жилища Любимой Женщины младшего брата – Карла!

Она и забыла, с течением времени, когда и как ее «ударил молния» страстного притягательного чувства Любви к маленькому, хрупкому человеку с лицом, тонким и выразительным, как у древнегреческого бога, плохо слышащим на одно ухо, и как-то трогательно – изящно склоняющим голову к тому, с кем он разговаривал. Произошло ли это сразу, с момента их первой встречи, в Риме, у княгини Зенеиды Волконской, в несколько минут, когда они оба сказали друг другу с десятков ничего не значащих, светски любезных слов, хотя Брюллов и смотрел на нее неотрывно; или случилось много позже, уже потом, когда «бесценный друг Бришка»>(*Так графиня Самойлова многие годы называла К. П. Брюллова в своих письмах к нему. – автор) уже рисовал в ее присутствии эскизы к картине, отнявшей у него шесть лет жизни: «Последний день Помпеи»?! Она никогда не могла дать точного ответа, но знала, что с самой первой их встречи стала будто «приворожена» к нему навсегда.

Кто знает, может быть, она видела его лицо много ранее, в магическом хрустальном шаре или зеркале, на которых любила часто гадать при свете вечерних, ароматно оплывающих свечей?... Как видела гибель Пушкина на снегу Черной речки в 1837, смерть мужа в 1846, свое собственное трудное будущее на чужбине. Юлия Павловна отлично помнила, какой леденящий ужас охватил ее, когда она заглянула в центр угрожающе сверкающего багряно - алыми гранями кристалла, в феврале 1837 года... Пушкин на холодном, кроваво - грязном снегу приподнялся и упал снова. Ей тогда захотелось разбить зловещий шар, и она чуть

было не швырнула в него от злости и бессильного отчаяния мягкой атласной туфелькой! Потом опомнилась: разве могла она идти против предначертаний Свыше?! Она никому не говорила обо всем этом – горьком, страшном, неотвратимом! Не считала необходимым и возможным. мудро молчала.

Любимый ее «Бришка» тяжело переживал гибель Пушкина, скорбел и страдал, в бессилии сжимая кулаки, закрылся от всех, никого не принимал, шептал сквозь слезы горя: «Несчастливая Россия, как она не любит своих Гениев! Как она бездумно теряет их!» Юлия молча, потерянно кивала головою, сама не в силах, что-либо сказать: опустошающая, жгучая боль бессильно жгла душу... Свершилось, увы!

Умение точно гадать по ладони и хрустальному шару - кристаллу она унаследовала от своей прабабки по итальянской линии. Гадала графиня по линиям ладони многим - многим петербургским светским дамам. Говорила, откровенно и резко, о всех перепитиях их «кружевных» судеб – они, бывало, трепетали и млели, едва не падая в обморок, слыша ее дерзновенные речи об их сердечных тайнах, но вот своих личных тайн она никогда не открыла никому, и сердилась, когда их хоть как - то пытались угадать! Сама же она так не смогла узнать у хрустального шара – кристалла самой главной своей тайны – тайны любви к Карлу Брюллову! Несмотря на всю свою прозорливость, тонкость, «вещую» мудрость, которой часто поражались многие, знавшие ее! (Дж. Россини, Пачинни, Мальезе, Д. Фикельмон, Ольга Пушкина)

Опрятно одетый, с некоторою ноткой чуть насмешливой, артистической небрежности, любезный и остроумный, независимый во мнениях и суждениях своих, несколько рассеянный, Карл Брюллов неизменно привлекал внимание к себе всюду, где бы не появлялся, хотя, бывало и так, что он молчал целыми вечерами, сосредоточенно слушая других или чертя остро отточенным грифелем карандаша что – нибудь в альбом, принесенный с собою. Альбом с почтительной внимательностью разглядывали после все гости, не смея задать художнику ни одного вопроса, оберегая покой хрупкого человека, утонувшего в омуте глубокого кресла, не слышавшего ни музыки, ни звона бокалов, ни шагов. Ушедшего полностью в свой «мир художества»!

Свело ли их вместе Провидение, сходство ли натур, прихоть, случайный каприз Обстоятельств, все ли, вместе взятое, но графиня Юлия Павловна более не мыслила с 1827 года ни одного дня без своего «милого Бришки»! Известны лишь немногие строки ее писем к нему (остальное неиздано или утеряно), но в них столь страстно выражено безграничное чувство любви, что кажется, будто опалает читающего полуденное, жаркое, итальянское солнце: «Мой дружка Бришка...люблю тебя более, чем изъяснить умею, обнимаю тебя, и до гроба буду душевно тебе привержена.» И еще: «Люблю тебя, обожаю, я тебе предана, и рекомендую себя твоей дружбе. Она для меня – самая драгоценная вещь на свете.» А в письме к Александру Брюллову – брату возлюбленного, графиня и вовсе откровенно писала о том, что они с «Карлом – Бришкою» хотели бы соединить свои судьбы.

Что помешало им обоим сделать это, ведь графиня Юлия Павловна была единственною настоящей любовью художника на протяжении всей его жизни? Уж больше

никогда потом, после разрыва с нею, (в 1845 – 46 годах, графиня Самойлова уехала в Италию, вышла замуж за итальянского певца Перри, и Брюллов не смог отыскать ее следов там, хотя и предпринимал тщетные усилия! - автор.) никогда не дано будет ему испытать это слитное чувство восторга и вместе верной, почти мужской дружественности, которое дарила ему графиня!

В ней влекло его и еще одно редкое ее свойство – щедрость, теплая, солнечная доброта, которая, повторим, исходила вовсе не от ума, а только от глубин тонко чувствующего сердца. Она неизменно, всю долгую жизнь свою, покровительствовала художникам и искусствам, и не ради себя и своего тщеславия, а ради тех людей, которым помогала! Например, русскому художнику Зассену, которому с больной невестой не на что было уехать на родину, она дала необходимую сумму денег. Пенсии, пособия беднякам лились из ее кармана рекой. Крестьяне ее имений любили ее и называли как-то просто, тепло - «графинюшкою», зная, что в любой момент могут обратиться к ней за любой помощью, и она не откажет ни в чем!

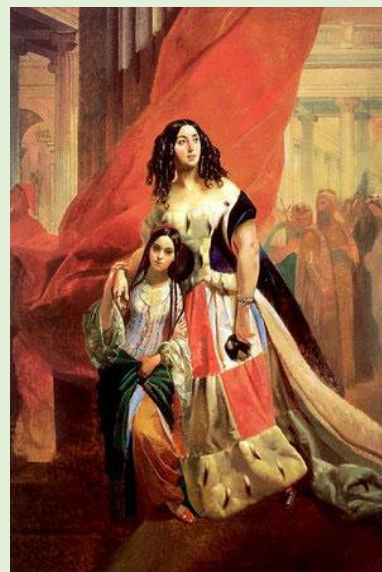
Неудивительно, что к «осени» своей жизни блистательная графиня Жюли была отчаянно разорена и познала голод и «позолоченную бедность»! Но и тогда продолжала она бескорыстно заботиться о двух своих приемных дочерях, Амацилии и Джованине Пачинни, (*Дочери обедневшего миланского певца и композитора, персонажи знаменитой Брюлловской «Всадницы» и «Маскарада» – автор.) пытаясь то выделить им приданное из крох почти прожитого состояния, то счастливо выдать замуж, то показать любопытным девичьим глазам мир и свою северную Родину – Россию, к которой графиня была очень привязана.

Но взрослое сердце, увы, не обладает столь безграничной преданностью, как детское. Оно слишком искушено горечью прожитых лет, разочарований, холодом и желчью зависти. Характерный пример тому - эпизод из поздней биографии маленькой девочки в розовом, на балконе старинной виллы Кампо – одной из двух персонажей блистательной и бессмертной «Всадницы»! Амацилия Пачинни, окончившая свои дни в одном из итальянских монастырей, после двух неудачных замужеств и нескольких лет вдовства, не могла без неудержимых слез вспоминать о своей «приемной маме», что однако же, вовсе не мешало ей судиться с Юлией Павловной много раньше, за часть дома, принадлежавшего ей наравне с сестрой Джованиной, не то по праву наследования, не то по договору усыновления – весьма запутанная история, непонятная до конца и в наши

дни. Скандальность ее добавила немало седых волос графине, но до конца своих дней она продолжала навещать Амацилию, писать ей, и всячески ее поддерживать – любящему сердцу нельзя приказать хранить безразличную холодность!

Впрочем, однажды Юлии Павловне все-таки удалось подобное – приказать сердцу расстаться с Возлюбленным своим – «богом кисти», Карлом Брюлловым. Она знала, что они удивительно похожи душами, сердцами, восприятием мира. Они всегда понимали друг друга с полуслова, не посягали на свободу друг друга, не было между ними ни секрета, ни тайны, ни банально – пошлой ревности: все могли без ложного стеснения рассказать друг

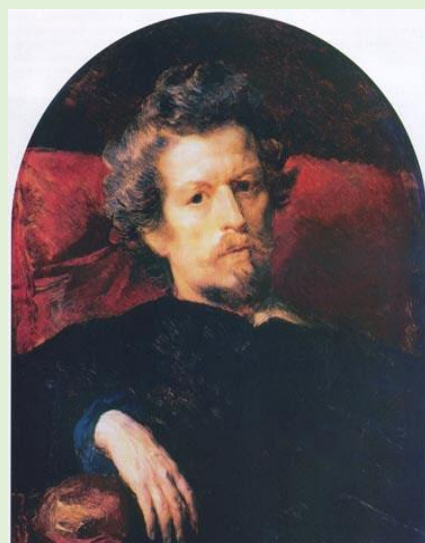
другу о мимолетных увлечениях другою или другим, и весело посмеяться, подтрунить тут же над самими собою, все прощали друг другу великодушно любящими сердцами!

Не посягала никогда гордая, свободолюбивая красавица Юлия и на тайны внутреннего мира своего «палладина» - «бесценного Бришки», зная, что, подчас, за видимым спокойствием и молчанием в душе его таится – глубокая бездна! И только Она, несравненная Юлия, была истинным его Ангелом – Хранителем, хотя не было в ней никогда ничего небесно – воздушного, это была только прекрасная, земная женщина - грешная, вспльчивая, с тягой к подлинно земным страстям и земному счастью. Она была, и в самом деле, настоящим, ослепляющим, обжигающим, заливающим все вокруг яркостью и жаром, « итальянским полднем, солнцем», как звал ее Брюллов, и в тени все учащающихся приступов нервной меланхолии Возлюбленного, чему способствовали тяжелейшие обстоятельства жизни художника: смерть родителей, брата Павла, и самое главное - большая и скрытая от посторонних глаз трагедия неудавшегося брака самого Брюллова с выдающейся пианисткой, ученицей Фредерика Шопена, Эмилией Тимм – ей становилось все холоднее и холоднее.

Она знала горькую историю брака своего Художника, но тоже - мало кому говорила о ней. Боялась растерзать и свое и чужое сердце чересчур тягостным повествованием. Два очень привязанных друг к другу человека – Карл и Эмилия – не смогли, и обвенчавшись, жить вместе потому, что союзу их противостоял жестокий и деспотичный отец талантливой девушки, испытывающий к ней чувства, противоестественные отцовским. Своими домогательствами и, возможно, какой - то имущественной властью над Эмилией, деспот принудил ее и после венчания с Брюлловым жить под «родительским кровом»! Она, боясь огласки, и потери «чести семьи», (*как будто речь еще могла идти о какой-то чести?! – автор.) согласилась терпеть унижения, но Брюллов, законный супруг - в глазах общества, не смирился с «подобным адом», и, подробно описав в письме на имя Священного Синода и Министра Двора, князя П. М. Волконского, горькую историю своего брака и душевного разочарования, получил, через два месяца после венчания, безоговорочное разрешение на полный развод, что было по тем временам – совершенно уникально!

Художник предпочел иметь ад в собственной, одинокой душе, а не вдвоем! Он обрел его, этот молчаливый ад, взамен разрушенной мечты о «парной душе», разрушенной навсегда веры в гармонию. Он будет гнаться за гармонией во всех своих новых полотнах, но ему почти не удастся догнать эту легучую нимфу! Почти... Даже в его портретах все ярче, все резче, определеннее, будет проглядывать одиночество, горечь отрешения от мирской суеты... Горечь тяжелого прозрения. («Портрет Струговщикова», «Автопортрет».) Талантливейшему мастеру, прославившему Россию своими полотнами по всему миру, профессору Академии Художеств,

имевшему сотни учеников и поклонников, сочувствовали многие, но плакать безутешными слезами ребенка он мог только на коленях графини Юлии. Она все понимала и утешала, но все-таки, бесконечно зябла в глубинах его огромных, печальных, отрешенных глаз. Или ей казалось, что – зябла?...

Они, бросив все в России: заказы, Академию, классы, пренебрегая Высочайшим недовольством, бывало, уезжали на пару месяцев в Италию, Брюллов там писал свои этюды к большим картинам, жанровые сценки из Неаполитанской жизни, заказанные ему итальянской и русскою знатью портреты. От богатых клиентов не было отбоя, да и Юлия никогда бы не позволила «милому дружку» испытывать нужду в чем-либо, но он часто устало ронял: «Я никогда не женюсь, моя жена - художества!» И его опять тянуло в Россию.

Сперва она делала вид, будто беспечно не слышит. Но, однажды, в 1845 году, перед очередным отъездом в Петербург, приняла для себя мучительное решение. Они должны расстаться. Сказала Брюллову, что уходит, что любит другого, и - давно! Тот ничему не возражал. Согласно кивал. Но когда на Исаакиевском прешпекте, в Санкт – Петербурге, их сани уже окончательно разъезжались в разные стороны, тихо сказал: «Ты уходишь из моей жизни. Значит, и мне пора уходить!»

Она не услышала этих слов в скрипе санных полозьев, или опять сделала вид, что не слышит... Зимнее солнце предательски слепило глаза, текли слезы, она глотала их, улыбаясь... Но все пыталась быть победным июльским, итальянским солнцем. Тем, чем всегда была для «бесценного друга Бришки»! Ведь он смотрел ей вслед. Это она чувствовала, не оборачиваясь! Она хотела быть не сломленную голубкой, а гордым, сверкающим из – за туч Солнцем... Впрочем, теперь уж не для Него... Для другого... Других...

Их, этих других, будет еще немало. Официально графиня Ю. П. Самойлова побывает замужем еще дважды. Второй ее муж, оперный певец Перри, умрет через год после свадьбы - от чахотки, в 1847 году, а третий, граф дэ Морнэ, оставит супругу через год после венчания, объяснив разъезд полным несходством характеров. Не все из рыцарей графини могли в высшей мере выносить ослепляющий блеск «итальянского солнца»!

То под силу было, быть может, лишь одному «верному палладину» чернокудрой

А. Брюллов. Проект загородного дома Ю. П. Самойловой. Фасад со стороны сада 1833.

Жюли – Карлу Брюллову, «кистью и против воли своей прославлявшему Бога! (В. А. Жуковский.) Но грешный, земной Ангел, которого этот самый Бог в благодарность послал вдохновенному Мастеру, не захотел быть с ним рядом до конца! Увы, иногда так бывает. Потому то такие Ангелы и зовутся – Земными. Вся загадка лишь в том, почему Души, охраняемые ими, не живут без них слишком долго...

Р. S. В Италии Юлия Павловна любила роскошный дворец под Миланом, где собирались художники, музыканты, литераторы. Среди участников этого своеобразного салона были Ф. Лист, Дж. Россини, Ф. Иордан, О. Кипренский, А. Иванов, Г. Доницетти, В. Беллини, А. Тургенев и другие. Имея дворец под Миланом, виллу на озере Комо и загородный дом под Парижем, Ю. П. Самойлова не обделила вниманием и Графскую Славянку. Когда было решено вернуться в Россию, остро встал вопрос о загородном доме. Старинный особняк в Графской Славянке к тому времени обветшал, стал мрачным и

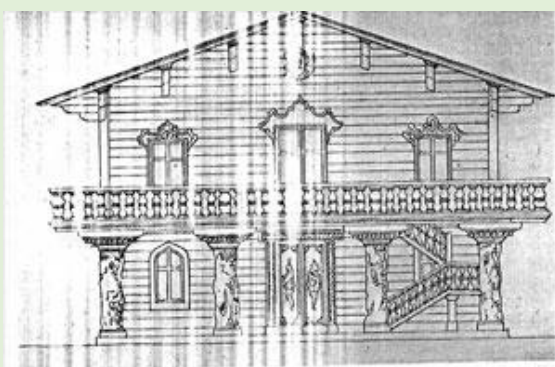
унылым. Требовалось создать на его месте что-то новое, оригинальное, соответствующее духу времени.

Здесь-то и пригодились способности брата Карла — молодого архитектора Александра Павловича Брюллова. Ещё находясь в Париже, он получил из Милана от Юлии Павловны письмо с просьбой быть архитектором дачи в имении в Славянке. По его проекту в 1831 году господский дом был перестроен. Историческая ценность загородного дома в Графской Славянке заключается в том, что это был один из первых в России образцов жилища нового типа, когда главное внимание стали уделять не помпезности помещений, а их удобству. Одновременно А. Брюллов реконструировал служебные здания. Был благоустроен дворцовый парк. Позднее недалеко от дома по проекту архитектора построили деревянный театр, выполненный в древнерусском стиле.

А. Брюллов. Проект загородного дома Ю. П. Самойловой. Фасада со стороны доро

Вернулась Юлия Павловна в Россию только в 1839 году, друзья Самойловых стремились примирить супругов и, по-видимому, их старания должны были увенчаться успехом, так как графиня сделала распоряжение приготовить Славянку к приезду её и графа. Но... судьба судила иначе: граф скончался 23-го июля 1842 года, за несколько дней до приезда в Славянку. В 1846 году, после второго замужества и принятия иностранного подданства (Ю. П. Самойлова вышла замуж за итальянского певца Пери) графине пришлось продать своё имение, которое купил император Николай I. Усадьба стала называться Царской Славянкой.

А. Брюллов. Проект театра в имении Ю. П. Самойловой. Главный фасад. 1

С этого времени её жизнь в качестве загородной резиденции начинает угасать. Во дворце на лето теперь помещали воспитанниц женских учебных заведений, в соседних слободах квартировали выводимые на маневры воинские части. А 3 ноября 1897 года, в день рождения дочери императора Николая I Ольги в Царской Славянке совершено было освящение детского приюта трудолюбия, созданного для детей «без присмотра или пристанища». Это первое в России учреждение подобного типа в советское время переехало уже в сам бывший дворец Ю. П. Самойловой о доброте,

отзывчивости которой и по сегодняшний день бытуют легенды.

23 июня 1852 года в селении Манциано, в семье своего преданного друга А. Титтони, Карл Брюллов, приехавший в Италию для лечения застарелого ревматизма сердца, скончался после внезапного жестокого приступа.

Похоронен на кладбище Монте – Тестаччо, под Римом.

Графиня Юлия Павловна Самойлова пережила своего гениального Возлюбленного на долгие 23 года. Умерла она в Париже, 14 марта 1875 года. Похоронена на кладбище Пер – Лашез. В годы нужды и разорения Юлия Павловна категорически отказалась продать принадлежащие ей картины кисти К. Брюллова. Судьбою их распорядились уже потомки графини – дальние родственники, живущие до сих пор в Италии, на родовой вилле Пален – Литта, Кампо, под Римом.

Использовались электронные ресурсы и литература:

*1.9 февраля 2003 года. Макаренко Светлана. Графиня Юлия Павловна Самойлова,
«итальянское солнце» Брюлова
www.peoples.ru/family/wife/samoynova/index.html
2.Сборник статей "Шведы на берегах Невы"*